

KALAFATICS ZSUZSANNA
(Budapest, Magyarország)

Идейный контекст повести Владимира Сорокина «День опричника»

Аннотация: В статье исследуется идеологический контекст дистопии Владимира Сорокина, написанной в 2006-ом году. В ней рассматривается то, как вопросы национальной идентичности и массовые мифы тоталитарного государства встраиваются в мир *Дня опричника* и как опричнина Ивана Грозного становится вневременной и внеисторической универсальной моделью. История одного дня Комяги – это история о механизмах власти и насилия авторитарного типа, показанная с точки зрения сотрудника государственного аппарата. В данной статье представлены ритуалы, укрепляющие чувство принадлежности к сообществу, а также вопросы, связанные с использованием языка и ролью литературы.

Ключевые слова: дистопия, *День опричника*, опричнина как универсальная модель, насилие, ритуалы, композиционное обрамление, стилизация

Владимир Сорокин создавал дистопические миры¹ в своих произведениях второй половины 2000-х (таких как «День опричника», «Сахарный Кремль», «Метель»). Писатель исследует символы национальной идентичности и массовые мифы тоталитарного государства, разрушая и разоблачая их. Травматический характер национальной идентичности становится центральной темой его романов, и Сорокин символически участвует в оживленных российских общественных дискуссиях последних десятилетий, затрагивающих прежде всего такие проблемы, как возможный путь России, русская идея и вопросы национальной идентичности.²

Как свидетельствуют социологические исследования, российское самосознание претерпело значительные изменения после распада Советского

¹ В середине 2000-х годов появилась серия (литературных) произведений, посвященных политическим аспектам ближайшего будущего российского общества и тесно связанных с проблемами настоящего. Помимо сорокинской трилогии можно упомянуть романы Дмитрия Быкова «Эвакуатор», Сергея Доренко «2008» и Ольги Славниковой «2017».

² См. «Вектор, формирующий эволюцию В. Сорокина в XXI в., определяется не столько переменами в индивидуальной авторской поэтике, сколько ее тесным взаимодействием с идеологическим, политическим, культурным контекстом» (АБАШЕВА 2012: 202).

Союза. Если в девяностые годы совок³ было негативным самоопределением, то с начала двухтысячных начались поиски составляющих национальной гордости, что сопровождалось реабилитацией и идеализацией имперского и коммунистического прошлого, усилением ностальгии по советскому миру, стремлениями найти и утвердить собственный путь России (ДУБИН 2011). Это период возрождения империализма, изоляции, принципа лидерства и патерналистских надежд. Социально-политико-идеологическая дискуссия, разворачивающаяся вокруг этих вопросов, касается предьстории названных выше сорокинских произведений. Впрочем, в этом нет ничего удивительного, так как Сорокин всегда интересовался мифами, идеями, представлениями тоталитаризма и общественного сознания и деконструировал их в своих работах.

Созданная по образцу опричнины Ивана Грозного модель государственного управления в мире романов Сорокина предстает как универсальная модель вне истории и времени. Все это связано с тем, что в силу жанровой природы сюжет упомянутых произведений происходит в будущем, в 2027 и 2028 годах, тогда как многие реалии и даже отображаемые типы поведения и менталитета уходят корнями в прошлое.⁴ Хорошим примером гротескного переплетения современной техники и реkvизитов прошлого в этом «ретробудущем» (ЛИПОВЕЦКИЙ 2010: URL) является одевание Комяги и сопоставление атрибутов опричников с техническими достижениями в повести «День опричника». «Деловое, – говорю я Федьке. Он вынимает платье из шкапа, начинает одевать меня: белое, шитое крестами исподнее, красная рубаха с косым воротом, парчовая куртка с куньей оторочкой, расшитая золотыми и серебряными нитями, бархатные порты, сафьяновые красные сапоги, кованые медью. Поверх парчовой куртки Федька надевает на меня долгополый, подбитый ватой кафтан черного грубого сукна. [...] У ворот стоит мой „мерин“ – алый, как моя рубаха, приземистый, чистый. Блестит на солнце кабиною

---

³ Совок – пейоративное, уничижительное название человека, социализировавшегося в советское время, близкое к термину Homo sovieticus. О менталитете советского человека писал А. Зиновьев в своем сатирическом произведении «Гомо советикус» (1982), а с социологической точки зрения его исследовал Юрий Левада (ЛЕВАДА 2004).

⁴ В интервью Сорокин часто рассказывает о своих размышлениях перед творческим процессом или сопровождающих его мыслях. В основе его мысленного эксперимента лежит двойственность как прошлого и настоящего, так и технических достижений: «...что будет, если изолировать Россию от мира – если предположить, что будет выстроена Великая русская стена по образцу Великой китайской? России некуда будет погружаться, кроме как в свое прошлое. Это будет вызвано идеологической потребностью, поскольку все героические образы для массового сознания в прошлом, в глубоком прошлом. Но без современных технологий такая идеология будет нежизнеспособна» (СОРОКИН 2006б: URL).

прозрачной. А возле него конюх Тимоха с песьей головой в руке ждет, кланяется: [...] Тимоха ловко пристегивает голову к бамперу „мерина”, метлу – к багажнику. Прикладываю ладонь к замку „мерина, крыша прозрачная вверх всплывает» (СОРОКИН 2006а: 11, 13).

Помимо отсылок к далекому русскому средневековью, четко определенной исторической эпохе,⁵ автор шаг за шагом прослеживает и настоящее, причем не только в материальных элементах и жизненных обстоятельствах. В членах царской семьи и окружающих их фигурах, во второстепенных персонажах повести нередко можно узнать какую-либо из черт известных нынешних политиков, актеров, художников и писателей.⁶

Главный герой и рассказчик рассматриваемого произведения – опричник Андрей Данилович Комяга. Появление опричника в качестве героя романа во многом является следствием современных идеологических построений, так как идея новой опричнины (путинской опричнины) сформировалась как раз в тот период, когда создавалась трилогия Сорокина. Возведение Ивана Грозного в лик святых было инициировано еще в 1990-е годы, и инициатором процесса являлся митрополит Иоанн, чью книгу «Самодержавие духа», изданную в 1995 году, с тех пор цитируют защитники идеи новой опричнины. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский считает Ивана Грозного идеальным правителем, одним из величайших достижений которого было создание лояльной и законопослушной организации – опричнины. По словам митрополита, эта сила смогла навести порядок в государстве. А в годы правления Ивана Грозного православная церковь играла важную роль в жизни как государства, так и народа. Он считает, что все обвинения против царя есть не что иное, как клевета иноземцев, а в очернении фигуры Ивана виноваты русские историки, в том числе и Николай Карамзин. Одним из самых преданных сторонников этой идеи является Александр Дугин, долгое время являвшийся главным идеологом Кремля. Согласно дугинской концепции Евразии, евразийство есть не что иное, как уровень развития русского народа, российской государственности (т. е. не просто понятие, связанное с географией и континентами), важным компонентом которого является поворот на восток. Абсолютная реализация евразийства – это царство Чингисхана. А. Дугин устанавливает прямую связь между империей Чингисхана,

⁵ Однако во многих случаях Сорокин контаминирует элементы, относящиеся к разным историческим периодам, тем самым подтверждая вневременной, архетипический характер опричнины.

⁶ Своеобразие антиутопий, возникших в первой половине 2000-х годов, А. Чанцев видит в том, что в романах стала господствовать политическая сатира. Отличие этих произведений от классических антиутопий состоит в том, что в них сочетаются жанровые черты исторического романа, гротеска, сатиры и публицистики с фэнтези (ЧАНЦЕВ 2007).

Великим княжеством Владимирским, Московской Русью, Российской империей и Советским Союзом (ДУГИН 2002: 544–545).

Образ и концепция Дугина иронически воспроизводятся в романе Сорокина. Дуга, один из престарелых придворных шутов государыни, кричит другому, Павлушке-ежу: «Ев-газия, Ев-газия, Ев-газия!» (СОРОКИН 2006а: 171), также имя Чингисхана упоминается несколько раз. «Все-таки как славно сокрушать врагов России! – бормочет он, доставая пачку „Родины“ без фильтра. – Чингисхан говорил, что самое большое удовольствие на свете – побеждать врагов, разоряя их имущество, ездить на их лошадях и любить их жен. Мудрый был человек!» (СОРОКИН 2006а: 33–34)

В середине 2000-х А. Дугин публиковал в интернете лекции под названием «Метафизика опричнины». Он считает опричнину фундаментальным, связанным с определенной исторической эпохой, но в то же время архетипическим вечным явлением (ДУГИН 2005: URL). Наделенная мощной властью опричнина Ивана Грозного оставила глубокий след в сознании русского народа, собственно говоря, это и заложило основу парадигмы национального строя, мироустройства. Проводя параллель между сталинским периодом и эпохой Ивана Грозного, А. Дугин видит в этой парадигме вечную и всегда актуальную взаимосвязь. Поскольку в этой парадигме выражается национальный характер, А. Дугин считает оправданным и насилие. Александр Проханов также видит в опричниках борцов за правду, носителей принципов, которые нужны в борьбе с коррупцией (ПРОХАНОВ 2007: 342). Сорокин, однако, ломает мифический образ и роль опричников⁷ и показывает в феномене опричников эффект легализованного насилия, возведенного в ранг государственной власти. Однако, согласно Сорокину, память об опричнине сохранилась в бессознательных архетипах русского коллектива. Таким образом, история России предстает как замкнутый круг одних и тех же кровавых схем, вечный рецидив террора. В трактовке Сорокина источником этой универсальной парадигмы является система государственной власти Ивана IV,⁸ постро-

---

⁷ Жужа Хетени в своем исследовании повести, опубликованном на венгерском языке, выражает противоположное мнение. По ее словам, неясно, подходит ли Сорокин к своему материалу критически, предостерегающе, иногда с энтузиазмом или сатирически, даже пародийно (HETENYI 2009). Исследование более широкого контекста подчеркивает сатирическую природу произведения. Липовецкий также считает, что Сорокин тайно любит своего героя и культуру эротизированного террора вокруг него (ЛИПОВЕЦКИЙ, ЭТКИНД 2008: 193).

⁸ В своих высказываниях Сорокин указывает, что опричнина – типично русское явление, еще не изученное во всей своей глубине ни историками, ни художниками. Ивана Грозного Сорокин называет шизофреником по параноидальному типу. По мнению писателя, бурные периоды революции и кровопролития можно рассматривать как следствие традиции тоталитарного государства, опричнины. (ШИРОКОВА 2006: URL). Известный историк Руслан Скрынников также подчеркивает, что Иван Грозный был первым русским правителем, применившим

енная на насилии и особом, привилегированном положении людей власти, приближенных царя. «Грозный заложил вертикаль власти и, по сути, посадил страну на кол, и она на этой вертикали сидит до сих пор. Эта архаическая пирамида и формирует, во многом, русское сознание. Чиновник – это, собственно, и есть опричник, потому что он больше, чем ты. А наверху – там вообще небожители, которые смотрят вниз, как на мир муравьев. Эта структура не изменилась. Она укрепилась еще больше в советское время, и сейчас она такая же» (СОРОКИН 2011: URL).

В повести Сорокина изображается один типичный день протагониста-опричника, Андрея Даниловича Комяги. События его понедельника, как и повесть Солженицына «Один день Ивана Денисовича», моделируют механизмы власти, но не с точки зрения жертвы насилия, а представителя репрессивной системы, исполнителя наказания. Все, что делает Комяга в течение этого дня, дает читателю возможность заглянуть в механизм государственного насилия, возведенного в ранг закона. В изображенном мире, как и в тоталитарных режимах, прямое применение насилия является наиболее важной и характерной чертой государственного правления, почти его исключительной формой, которая служит не для поддержания порядка или защиты от произвола, а для поддержания динамики, постоянной борьбы с врагом. «Супротивных много, это верно. Как только восстала Россия из пепла Серого, как только осознала себя, как только шестнадцать лет назад заложил Государев батюшка Николай Платонович первый камень в фундамент Западной Стены, как только стали мы отгораживаться от чуждого извне, от бесовского изнутри – так и полезли супротивные из всех щелей, аки сколопендрии зловерное. Истинно – великая идея порождает и великое сопротивление ей. Всегда были враги у государства нашего, внешние и внутренние, но никогда так яростно не обострялась борьба с ними, как в период Возрождения Святой Руси» (СОРОКИН 2006а: 38).

Институционализируемая система анархии не ограничивает насилие, не ставит ему пределов, не сковывает его, как это происходит в современных государствах. Повествователь,⁹ в прошлом студент-историк, не сомневается в необходимости своих действий применения жестокости.

террор как метод управления страной. Исследуя истоки опричнины в своей книге «Царство террора», он указывает, как этот репрессивный, карательный режим повлиял на последующие этапы развития страны. В анализе он подчеркивает, что период кровавого террора всегда наступал в России после глубоких социальных потрясений и незавершенных реформ (СКРЫННИКОВ 1992).

⁹ Стилизованный сказ в повествовании от первого лица многогранен, он воспроизводит и смешивает язык, лексику и синтаксис различных периодов. Кроме стилизации языка былин наблюдается и специфическая смесь церковнославянского, древнерусского языков, архаизмов и современного сленга. Повествовательный дискурс романа основан на языковой игре, стилизации, лингвистической реконструкции и деконструкции.

Можно сказать, что он становится апологетом авторитаризма и насилия. В его повествовании каждое действие (избиение, убийство, изнасилование, разрушение, наказание, очищение, уничтожение, сожжение) оправдано, и каждое насилие имеет объяснение. И это объяснение удовлетворяет Комягу, потому что за ним стоит сообщество, представляющее власть. Опричники – это члены особого братства, связанные между собой как звенья в великом деле спасения народа, изображенного в виде ослабевшего, раненого медведя¹⁰. «И окреп медведь костью и мясами, залечил раны, накопил жира, отрастил когти. Спустили мы ему кровь гнилую, врагами отравленную. Теперь рык медведя русского на весь мир слышен. Не токмо Китай с Европой, но и за океаном к рыку нашему прислушиваются» (СОРОКИН 2006а: 41).

В этом сообществе существует четко определенная иерархия, возглавляемая Батей, ставшим первым человеком, которому царь доверил эту задачу. Задача опричников-единомышленников – словом и делом донести до русского народа надежду на возрождение России.¹¹ Эта идеология призвана объяснить хаос, беззаконие и жестокость, наказания и убийства. Согласно вымыслу, в России 2027 года поздний коммунистический режим беспрепятственно превратился в монархию. Стены Кремля были побелены, и средневековое феодальное общество было восстановлено. Телесные наказания, битьё палками снова стали обычной практикой. И еда, и одежда носят ярко выраженный националистический характер. Элита опричников живет хорошо, но остальная часть общества живет скромно, в бедности. Чтобы предотвратить иностранное влияние, на Западе строится стена, отделяющая Россию от евроатлантического мира, но в то же время в страну вторгаются китайцы и китайские товары. Дело не только в торговле, в мире романа Китай – друг и союзник России.¹²

Сорокинская ирония распространяется и на контроль над использованием языка. Сквернословие, использование ненормативной лексики – это запрещенное и наказуемое действие,¹³ против которого протестуют либе-

---

¹⁰ Топонимия России традиционно связывается с обликом медведя как с внутренней, так и с внешней точки зрения.

¹¹ В повести различные персонажи высказывают идею о необходимости возрождения, оправдывая этой мыслью всепроникающее насилие.

¹² Китайская тема не нова в творчестве Сорокина, она присутствует в его работах с конца 90-х годов (см. «Голубое сало»). Китай представлен как неоспоримая сверхдержава, находящаяся в авангарде технологического развития.

¹³ Особенно сегодня, повесть может быть в некотором смысле прочитана как предсказание, своего рода пророчество. В 2014 году в закон о государственном языке Российской Федерации были внесены изменения («О внесении изменений в Федеральный закон "О государственном языке Российской Федерации"»), уточняющие, в каких сферах использование русского языка является обязательным. Закон гласит, что фильмы, содержащие бранные или нецензурные выражения, не могут быть распространены или показаны. Для распространения

ралы и интеллектуалы. Язык представлен как тело, на котором непристойные и оскорбительные слова и выражения являются паразитами. Между тем искусство слова, литература, отходит на второй план, давая тепло, но не духовное, а физическое. Ясновидящая Прасковья, которую по приказу государыни посещает Комяга в Тоболе, сжигает в печи «Анну Каренину» и «Идиота» и просит государыню прислать ей еще книги, русские книги. Сожжение книг¹⁴ также свидетельствует о презрении к литературе как к непрактичному, неутилитарному занятию. Комяга с восторгом вспоминает, что рукописи и книги, считавшиеся враждебными, были сожжены на Манежной. «Одно могу сказать – возле книжных костров всегда как-то тепло очень. Теплый огонь этот» (СОРОКИН 2006а: 137). Иронично, однако, что последний вопрос Комяги («Что с Россией будет?» СОРОКИН 2006а: 141) в значительной степени литературный. Ответ ясновидящей указывает на «ничего», на пустоту.

В романе много места уделено показу ритуалов,¹⁵ укрепляющих чувство принадлежности к сообществу (разрушение особняка Куницына, ритуал дуэли, совместная молитва в Успенском соборе, трапеза в Белой палате и во дворце Бати, использование внутренних наименований, совместное купание в бане, употребление наркотиков и опыт группового трипа). Их объединяет переплетение и наложение друг на друга экстатических состояний, насилия, пыток, сексуального удовольствия и употребления наркотиков. Два из них стоит выделить особо. Оба они связаны с баней, которая в русском фольклоре и литературе ассоциируется с таинственными, нечистыми и магическими силами. В интерпретации Комяги, баня – это место мужской дружбы и равенства. После вхождения злато-рыбки в кровавое русло 7 опричников впадают в состояние общего транса и во время психоделического путешествия превращаются в ужасающего, разрушительного, огнедышащего семиглавого дракона¹⁶. Этот былинный Змей Горыныч летает по родине и заливают огнем безбожную вражескую

требуется лицензия и сертификат о том, что фильм соответствует этому критерию. Аудиовизуальная продукция и книги также должны быть снабжены маркировкой, если они содержат ненормативную лексику. Эти издания могут продаваться только в закрытой упаковке. Но запрещено использовать ненормативную лексику на телевидении и радио, а также на публичных мероприятиях. Нарушители подвергаются штрафам (KALAFATICS 2016).

¹⁴ О теме библиоклазма в литературе подробнее см. ТУРЬШЕВА 2018.

¹⁵ Повторение и ритуалы характерны для антиутопий. Среди особенностей жанра Ланин называет то, что общество, реализовавшее утопию, не может быть иным, чем общество обряда. Ритуал, повторяющиеся серии действий препятствуют непредсказуемому, хаотичному поведению и движению личности (ЛАНИН 1993: 157).

¹⁶ Огненный дракон – типичный разрушительный демон русских верований, его фигура близка к общему представлению о зле, сложившемуся под влиянием христианских демонологических образов (SARNYAI 2010: 52).

Америку, а затем использует одну из своих голов (Комягу), чтобы сжигать детей и насиловать женщин. Былинная форма также растворяется, превращаясь в поток непунктуированного текста, заканчивающегося повторением бранного глагола, обозначающего половой акт. Этот коллективный опыт (превращение в дракона) дает ощущение инстинктивной силы в сообществе, наполняя участников радостью и готовностью действовать. Пир во дворце Бати, за которым следует паровая баня, укрепляет чувство братства. Повествование Комяги подробно описывает удовольствие плоти, наслаждения от еды и массажа. Но это только начало оргиастического ритуала, в котором тела опричников соединяются вместе, сливаясь в единое, но иерархически организованное коллективное тело (гусеницу). Помимо сексуальности, насилие (теперь направленное не только на посторонних, других, но и на своих) и боль, причиняемая друг другу дреями, также призваны сплотить сообщество.

Произведение начинается с описания сновидения Комяги при пробуждении и заканчивается тем, что Комяга засыпает. В обрамлении, как некий символ судьбы, символ необходимости личной свободы, появляется фигура белого коня, до которого никогда не добраться, ведь он уходит все дальше. Но последней мыслью спящего остается мысль о его избранной семье, о дружине опричников. «А куда жива опричина, жива и Россия» (СОРОКИН 2006а: 223). Сон Комяги иллюстрирует, как язык тотальной диктатуры поглощает человека, как растворяет и уничтожает его внутреннее сопротивление, чтобы затем человек мог признать языковые обороты и клише официальной идеологии своими собственными.

Сюжеты трилогии иллюстрируют серьезные, роковые последствия того положения, когда государство строит свою экономику исключительно на национальном достоянии – эксплуатации природных ресурсов, при этом проводя политику насилия и обращаясь к прошлому для оправдания своего пути. Если в повести «День опричника» добыча нефти и газа дает власти уверенность, то в «Сахарном Кремле» уже налицо признаки экономического кризиса, а «Метель» метафорически свидетельствует о полной потере пути, возвращении к еще более архаичному состоянию и полной потере независимости России, ее внешней колонизации.

Литература

- АБАШЕВА 2012 = АБАШЕВА А.М. Сорокин нулевых: в пространстве мифов о национальной идентичности // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология, 2012. № 1. 202–209.
- ДУБИН 2011 = ДУБИН Б.В. Россия нулевых: политическая культура – историческая память – повседневная жизнь. Москва, 2011.
- ДУГИН 2002 = ДУГИН А.Г. „Я за многополярную глобализацию” // Основы евразийства. Москва, 2002. 541–547.

- ДУГИН 2005 = ДУГИН А.Г. Метафизика опричнины: тезисы выступ. Александра Дугина в рамках «Нового университета». <http://arcto.ru/article/1252> (Дата обращения: 02.06.2022)
- ЛАНИН 1993 = ЛАНИН Б.А. Анатомия литературной утопии // Общественные науки и современность, 1993. № 5. 153–164.
- ЛЕВАДА 2004 = ЛЕВАДА Ю.А. «Человек советский» – публичные лекции на «Полит.ру». <http://polit.ru/article/2004/04/15/levada/> (Дата обращения: 02.06.2022)
- ЛИПОВЕЦКИЙ, ЭТКИНД 2008 = ЛИПОВЕЦКИЙ М., ЭТКИНД А. Возвращение тритона. Советская катастрофа и постсоветский роман // Новое литературное обозрение, 2008. № 94. 174–196.
- ЛИПОВЕЦКИЙ 2010 = ЛИПОВЕЦКИЙ М. Метель в ретробудущем. Сорокин о модернизации. <http://os.colta.ru/literature/projects/13073/details/17810/> (Дата обращения: 29.05.2022)
- ПРОХАНОВ 2007 = ПРОХАНОВ А.А. Пятая Империя. Санкт-Петербург, 2007.
- СКРЫННИКОВ 1992 = Скрынников Р. Царство террора. Санкт-Петербург, 1992.
- СОРОКИН 2006а = СОРОКИН В. День опричника. Москва, 2006.
- СОРОКИН 2006б = СОРОКИН В. Опричнина – очень русское явление. Интервью Бориса Соколова с Владимиром Сорокиным. <http://www.srkn.ru/interview/b Sokolov.shtml> (Дата обращения: 29.05.2022)
- СОРОКИН 2011 = СОРОКИН В. «Я питаюсь русской метафизикой, но не представляю себя без Европы». <http://www.golos-ameriki.ru/a/sorokin-interview-2011-05-11-121675299/234456.html> (Дата обращения: 29.05.2022)
- ТУРЫШЕВА 2018 = ТУРЫШЕВА О.Н. Сожжение книг: новая семантика старого мотива: (на материале романа В. Сорокина „Манарага“) // Филологический класс, 2018. № 2. 141–145.
- ЧАНЦЕВ 2007 = ЧАНЦЕВ А. Фабрика антиутопий. Дистопический дискурс в российской литературе середины 2000-х // Новое литературное обозрение, 2007. № 86. 269–301.
- ШИРОКОВА 2006 = ШИРОКОВА С. Писатель Владимир Сорокин: Мой «День опричника» – это купание авторского красного коня. <http://iz.ru/news/316688> (Дата обращения: 29.05.2022)
- НЕТÉNYI 2009 = НЕТÉNYI Zs. Szorokin és az orosz posztmodern vége: a giccs // Holmi, 2009. №4. 559–565.
- KALAFATICS 2016 = KALAFATICS Zs. Az oroszországi nyelvpolitika és nyelvtervező tevékenység néhány jellegzetessége // Csillag S. (szerk.) Alkalmazott Tudományok III. Fóruma. Budapest, 2016. 347–357.
- SARNYAI 2010 = SARNYAI Cs. Keresztvilágok. Szláv mitológia és orosz irodalom. Szeged, 2010.

The ideological context of Vladimir Sorokin's novel *Day of the Oprichnik* This article explores the ideological context of Vladimir Sorokin's dystopia, written in 2006. It examines how questions of national identity and the mass myths of the totalitarian state are embedded in the world of the novel, and how Ivan the Terrible's oprichnina becomes a timeless and extra-historical universal model. The story of Komiaga's one day is a story about the mechanisms of power and violence of an authoritarian type, shown from the point of

view of a member of the state apparatus. The analysis presents rituals that reinforce a sense of community, as well as issues related to the use of language and the role of literature.

Keywords: dystopia, *Day of the Oprichnik*, oprichnina as a universal model, violence, rituals, framing, stylization